

Каптерев Петр Федорович

**Новая русская педагогика, ее
главнейшие идеи, направления и
деятели**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Федорович К.**
Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / Каптерев Петр Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 148 с.

ISBN 978-5-519-88124-1

ISBN 978-5-519-88124-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дый благородный Митрофанъ былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи даровымъ трудомъ крѣпостныхъ; съ освобожденіемъ-же крестьянъ всѣмъ дворянскимъ Митрофанами приходилось плохо. Безъ образованія можно было насидѣться голодомъ, поэтому спросъ на всякаго рода школы со стороны дворянства чрезвычайно возросъ.

Учить приходилось не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. До освобожденія крестьянъ образованіе дѣвочекъ особенныхъ хлопотъ не доставляло: элементарная грамотность, немножко французскаго языка и музыки—вотъ и все. Дѣло было не въ образованіи, а въ приданомъ, въ душахъ крѣпостныхъ и въ томъ, чтобы онѣ были не заложены, иначе сказать, въ даровыхъ хлѣбахъ. Съ исчезновеніемъ послѣднихъ, дворянству стало трудно выдавать своихъ дочерей замужъ, потребовалось и для нихъ образованіе, да не домашнее, которое мало-помалу потеряло всякій кредитъ и стало приравниваться къ необразованію, а болѣе или менѣе серьезное, школьное, въ гимназіи или институтѣ.

Такимъ образомъ съ освобожденіемъ крестьянъ чрезвычайно усилился запросъ на всякаго рода школы: элементарныя, среднія, высшія, общія, профессиональныя, мужскія, женскія. Можно сказать, что Россія впервые въ это время за все свое существованіе ощутила сильный образовательный голодъ.

Эпоха освобожденія вызвала не только необычайный запросъ на образованіе и школы, но и самому образованію напечатлѣла свой характеръ. Освобожденіе крестьянъ существенно измѣнило все міровоззрѣніе Руси. Времена татарщины и многіе вѣка крѣпостничества привили русскому сознанію элементы рабства, безсмысленнаго трепета, слѣпой покорности предъ всѣмъ, казавшимся властью, имѣвшимъ ея видъ. Въ умахъ многихъ русскихъ крѣпко засѣла мысль, что масса русскаго люда отъ природы совершенно безправна, обречена на вѣчный трудъ въ пользу ничтожнаго меньшинства, которое можетъ ничего не дѣлать. Настоящаго понятія о человѣкѣ не было въ Россіи, а были понятія о дворянинѣ, о крѣпостномъ, о купцѣ, о чиновникѣ, о духовномъ лицѣ; крѣпостничество въ корнѣ подрывало и достоинство человѣка и понятіе о человѣкѣ, оно расщепляло людей на множество сословныхъ группъ, воздвигая между ними твердыя, не легко преодолимыя перегородки и преграды. Истинная гуманность была чужда русскому обществу. Конечно, были состраданіе, жалость, но все нѣсколько свысока, съ сознаніемъ своихъ мнимыхъ естественныхъ преимуществъ. Это далеко отъ истинной гуманности. Истинно гуманный человѣкъ изъ своихъ человѣколюбивыхъ чувствъ не спускается, какъ будто по лѣстницѣ, сверху внизъ, а онъ остается тамъ-же, гдѣ былъ, глубоко проникнутый убѣж-

деніемъ, что люди—братья, имѣющіе по природѣ равныя права и обязанности.

Освобожденіе крестьянъ—реформа глубоко гуманитарная, измѣнявшая въ корнѣ крѣпостническое сознаніе многихъ членовъ русскаго общества. вмѣстѣ съ тѣмъ она была истинно христіанскимъ дѣломъ, вѣдрявшимъ въ умы русскихъ понятіе о единствѣ и равноправности людей, о достоинствѣ человѣческой личности, о мягкости въ отношеніяхъ къ ней. Насилію полагалась граница, закрѣпощенные освободились отъ многовѣковыхъ путъ. Человѣческая личность свободна, каждый обитатель русской земли есть русскій гражданинъ, имѣющій всѣ гражданскія права и обязанности,—вотъ что внушала русскому обществу великая социально-гуманитарная реформа. Преемное начало: ты на меня работай, а я тебя буду кнутомъ подстегивать—окончательно упразднялось. Начинался новый порядокъ вещей, новый періодъ бытія.

Великое освободительное начало мало-по-малу проникало во всѣ стороны жизни русскаго общества, впитывалось во всѣ его слои, наполняло всѣ поры, всюду смягчая людскія отношенія, раскрѣпощало закрѣпощенныхъ, поднимая и облагораживая личность. Въ этомъ направленіи предстояла огромная работа, такъ какъ обществу приходилось перестраивать свои экономическія и правовыя отношенія, а вмѣстѣ обновить и расширить свои понятія, взгляды, идеи. Закрѣпощенными оказывались не только крестьяне помѣщикамъ, но и дѣти родителямъ, женщины мужчинамъ, а умы и чувства старымъ идеямъ и системамъ. Дѣло перестройки понятій и жизни было велико. Естественно, что образованіе и школы не могли остаться въ сторонѣ отъ этого великаго преобразовательнаго движенія, такъ какъ они были скудны, казенны, мертвенны; потокъ жизни и обновленія, разливавшійся по всей русской землѣ, влился и въ школы, захватилъ и образованіе и вызвалъ въ этой области, какъ и въ другихъ, усиленную работу, перестройку стараго и сооруженіе новаго. Основныя начала въ обновленіи образованія остались тѣ-же самыя, которыя преобразовывали и всю русскую жизнь: освобожденіе личности—женской и дѣтской; мягкость въ отношеніяхъ—къ дѣтямъ, предоставленіе имъ возможной свободы: требованія общественной правды и справедливости—какъ высшіе идеалы въ примѣненіи къ нравственному воспитанію.

Преобразовательная эпоха застала русскую педагогію въ крайне слабомъ состояніи, ея почти даже и не было. Были у насъ школы разныхъ наименованій, были учителя, было начальство нѣкоторое, но все это было казенное, офиціальное. Образованіе почти исключительно вѣдалось государствомъ, которое давало ему всему профес-

сiональный характеръ—подготовки служилыхъ людей разныхъ наименованiй. Постановка образованiя была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ,—вотъ и все. Но педагогическими вопросами почти никто не занимался. Не было ни педагогической литературы, кромѣ весьма скудной литературы учебниковъ и весьма небольшого числа сочиненiй по общепедагогическимъ вопросамъ, ни педагогической журналистики. До пятидесятихъ годовъ у насъ былъ только одинъ «Педагогическiй Журналъ», издававшiйся Ободовскимъ, Гугелемъ и Гурьевымъ, но и тотъ существовалъ всего лишь два года (1833—1834) и закрылся, за неимѣнiемъ подписчиковъ. Время отъ времени въ правительственныхъ и канцелярскихъ сферахъ возникали вопросы о перемѣнѣ системы образованiя, напримѣръ, средняго, о введенiи въ тотъ или другой разрядъ школъ новаго устава, новаго предмета; но всѣ эти вопросы разрѣшались правительственно-канцелярскимъ путемъ, помимо обсужденiя въ литературѣ и обществѣ. Педагогическiе вопросы не поднимались даже тамъ, гдѣ-бы, казалось, ихъ необходимо было поднимать и обсуждать, каковы педагогическiе Совѣты разныхъ учебныхъ заведенiй. Оказывается, что занятiя педагогическихъ Совѣтовъ почти исключительно состояли частью въ освидѣтельствованiи суммъ, частью въ назначенiи дней переводныхъ и окончательныхъ экзаменовъ и т. п., и ни одинъ вопросъ, касающiйся собственно улучшенiя учебной части, не возникалъ въ этихъ совѣщанiяхъ *). Впрочемъ, отъ учителей и не требовалось педагогiи, отъ нихъ требовалось лишь преподаванiе, причеиъ учитель не имѣлъ права отступать въ преподаванiи ни на iоту отъ предписаннаго ему учебника, хотя-бы и весьма неудовлетворительнаго, и отъ чрезвычайно подробной программы, составленной примѣнительно къ параграфамъ этого учебника. Такимъ образомъ все преподаванiе было чисто-механическимъ. И позднѣе довольно долгое время замѣчалось такое-же механическое отношенiе учителей къ дѣлу, педагогическiе Совѣты учебныхъ заведенiй имѣли, по прежнему, канцелярскiй характеръ, были чисто формальными собранiями, для оживленiя которыхъ принимались чрезвычайныя мѣры, наприимѣръ, составлялись программы общепедагогическихъ и общедидактическихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденiю этихъ Совѣтовъ **).

Поэтому нечего изумляться тѣмъ удивительнымъ результатамъ,

*) «Журн. Министер. Народн. Просв.» СХІ, 4, 108. Изъ циркуляра попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

**) «Учитель», 1864 г., № 6, «Современная педагогическая хроника».

которые получались отъ дореформеннаго обученія, и тому общему положенію, въ которомъ находилось тогда педагогическое дѣло въ Россіи. Одинъ флотскій офицеръ сообщалъ въ «Морскомъ Сборникѣ» ¹⁾, что въ морскомъ корпусѣ онъ и его товарищи обучались 50 наукамъ, искусствамъ и языкамъ. Между науками были: статистика, риторика, психологія, логика, эстетика, теорія поэзіи; между искусствами: живопись, церковное пѣніе, танцованіе, музыка. Результатъ ученія былъ слѣдующій: въ каждомъ выпускѣ мичмановъ немногіе умѣли написать сами, безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, рапортъ о своей болѣзни. Случались такіе, которые подписывались: *мичманъ* такой-то. Грамматику изучали по курсу, переведенному съ латинскаго языка. Что не подошло подъ правила латинскаго языка, то являлось въ видѣ исключеній. Отъ этого исключеній было гораздо болѣе, чѣмъ правилъ. По лучшей грамматикѣ не было.

Объ общемъ положеніи педагогическаго дѣла въ Россіи предъ эпохой освобожденія и частью о состояніи педагогики и дидактики мы приведемъ два свидѣтельства. Я. Невѣровъ въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ: «Что нужно для народнаго образованія въ Россіи?» ²⁾, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Не смотря на значительные успѣхи, которые сдѣлала въ послѣднее 20-ти-лѣтіе наша ученая литература, подарившая насъ замѣчательными произведеніями почти по всѣмъ отраслямъ знанія, по какому-то странному случаю она не только не разрабатывала вопроса о воспитаніи и обученіи, но даже и не касалась его... Русская литература, кромѣ учебника Ободовскаго ³⁾, нѣсколькихъ лекцій г. Шевырева и отдѣльныхъ статей, помѣщавшихся время отъ времени въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», не представила ничего по этой части» ⁴⁾. Я. К. Гротъ такъ изображалъ состояніе нашей педагогикѣ ⁵⁾: «Наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература—новорожденный младенецъ... У насъ не только нѣтъ руководства къ педагогикѣ, но почти нѣтъ и вовсе никакихъ хорошихъ руководствъ по разнымъ предметамъ общаго образованія.

¹⁾ 1856 г. № 7, ст. «Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка».

²⁾ 1851 г. № 4.

³⁾ Разумѣются два, довольно тощіе, учебника, составленные А. Ободовскимъ по Нимейеру: «Руководство къ педагогикѣ или наукѣ воспитанія» (Спб., 1835 г.) и «Руководство къ дидактикѣ или наукѣ преподаванія» (Спб., 1837 г.).

⁴⁾ Г. Невѣровъ ошибается. Кромѣ указанныхъ имъ работъ, были еще и другія, правда, весьма немногочисленныя и не отличавшіяся ни глубиною содержанія, ни самостоятельностью. См. о нѣкоторыхъ изъ нихъ журналъ «Учитель» 1862 г., «Педагогическое обозрѣніе».

⁵⁾ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». ХCVIII, 7, 176.

Большинство наших преподавателей не только не слѣдовало до настоящаго времени никакимъ твердо установленнымъ наукою правиламъ преподаванія, но многіе изъ нихъ оказывались и сами не довольно знающими по своей части».

Такимъ образомъ, преобразовательной эпохѣ нужно было почти все создавать заново: школы, учителей, педагогическую журналистику, педагогическую литературу, педагогическую теорію и практику. И все это было создано. Въ послѣднія 40—50 лѣтъ теоретическая и практическая педагогія сдѣлала у насъ такіе огромные успѣхи, какихъ она не сдѣлала въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ столѣтій. Причина успѣха заключается въ томъ, что воспитаніе перестало быть дѣломъ лишь одного государства, но стало и живымъ общественнымъ дѣломъ. До эпохи освобожденія образованіе вѣдалось канцеляріями и государствомъ, а потому было поставлено односторонне, безжизненно и отвлеченно. Съ эпохи освобожденія общество глубоко заинтересовалось имъ и въ участіи общества образованіе почерпнуло великую живительную силу. Общество выставляло цѣлый рядъ дѣятелей по образованію, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, которые разрабатывали ихъ не по казенной надобности и за жалованье, а въ силу призванія.

Представить очеркъ развитія педагогическихъ идей въ Россіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и составляетъ нашу задачу.

ГЛАВА II.

Старые идеалы.

Обновлявшаяся русская жизнь не могла всецѣло и разомъ порвать съ царившими прежде порядками; новый міръ идей, новое міровоззрѣніе не могло не сохранить нѣкоторыхъ старыхъ понятій. Въ умахъ многихъ старыя понятія были очень крѣпки. Они такъ долго господствовали, были одобрены властями, признаны официально обязательными для всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ. Было невѣроятно, чтобы такія идеи сразу были оставлены и замѣнены новыми. Въ умахъ многихъ старое еще держалось и къ нему только понемножку присоединялись новыя воззрѣнія, образуя со старымъ довольно любопытную смѣсь. Новыя идеи просачивались всюду, вездѣ вѣяло новымъ духомъ, новыя начала проповѣдывались и въ литературѣ, и въ разговорахъ, семейныхъ и общественныхъ. Уйти отъ новшествъ было невозможно. Но, съ другой стороны, и старая педагогическая вѣра была еще крѣпка. Теоретической педагогики прежде

почти не существовало, но нѣкоторый запасъ понятій, нужныхъ для веденія школъ и для семейнаго воспитанія, былъ. Общія начала, съ остатками разныхъ частныхъ пріемовъ и воззрѣній дореформаціоннаго времени соединились съ новыми идеями, съ новой педагогіей.

До реформаціонной эпохи наше образованіе было строго государственнымъ, и всѣ учебныя заведенія готовили служилыхъ людей государству и различныхъ техниковъ. Каждому заведенію назначалась какая-либо специальная государственная задача, а семьѣ самая основная—пріученіе къ повиновенію властямъ, откуда и получался идеалъ семейнаго воспитанія, чтобы малютка былъ, выражаясь словами о Михайловскаго, «угостителемъ и услужливъ» *). Если-же-бы малютка этихъ свойствъ не обнаружилъ, такъ какъ «своеволіе, можно сказать, прирождено дѣтямъ», тогда нужно поставить вопросъ «о переломѣ воли заблуждающейся», о томъ, чтобы «взять дитя въ свои уки» **), т.-е. въ ежовыя рукавицы.

Но въ тѣхъ-же самыхъ книгахъ, въ которыхъ такъ ясны еще слѣды старыхъ понятій, такъ живы идеалы минувшаго времени, нерѣдко встрѣчаются идеи совсѣмъ другого характера,—идеи, навѣяныя Западомъ, болѣе или менѣе научнаго свойства.

Такъ, напримѣръ, о. Владиславлевъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній и называетъ ихъ «преступными». Если глава семьи—отецъ представляетъ въ себѣ образъ Христа, если жена отображаетъ въ себѣ церковь Христову, а дѣти суть чада церкви, то какъ можно согласить съ этими понятіями побои дѣтей? Тѣлесныя наказанія облачаютъ недостатокъ въ родителяхъ нравственной силы. Изъ семейныхъ взысканій допускаются слѣдующія: возбужденіе чувствъ раскаянія, выраженіе неудовольствія и гнѣва со стороны родителей, удаленіе дѣтей съ глазъ родителей и, наконецъ, самое тяжкое—лишеніе родительскаго благословенія. Неудобы и награды. Задача христіанской педагогики состоитъ въ томъ, чтобы пріучить ребенка стремиться къ истинно-доброй и полезной дѣятельности не ради вѣшнихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ побужденій, но ради самого добра. Въ той-же книгѣ встрѣчаются замѣчанія о необходимости гигиеничности всей воспитательной обстановки, о свободѣ, простотѣ и естественности, какъ весьма важныхъ условійхъ правильнаго образованія, и другія подобныя-же здравыя мысли ***). Даже у о. Ми-

*) Священникъ Михайловскій, «О религіозномъ воспитаніи дѣтей до школы». Спб., 1875 г.

**) О. Базаровъ, «О христіанскомъ воспитаніи». Карсеруэ. 1860 г.

***) Протоіерей Владиславлевъ, «Уроки по классу христіанской педагогики». Москва. 1875 годъ. §§ 13, 26, 35, 75 и др.

хайловскаго можно найти совершенно правильныя замѣчанія, напримеръ, о важности янш, ихъ главнѣйшихъ свойствахъ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ.

Усвоеніе и распространеніе подобныхъ идей нужно поставить въ прямую заслугу упомянутымъ авторамъ, такъ какъ усвоеніе новыхъ идей западной педагогикіи совершалось туго. Нашъ первый «Педагогическій Журналъ» просуществовалъ всего два года и прекратился вслѣдствіе полнаго равнодушія педагоговъ къ такому изданію и вмѣстѣ къ идеямъ, излагавшимся въ журналѣ. А журналъ былъ хорошій, обстоятельно знакомилъ съ западною педагогіей. Педагогическіе журналы, появившіеся въ пятидесятыхъ годахъ, существовали также недолго и отношеніе педагоговъ къ идеямъ, которыя проповѣдывались въ журналахъ, было не всегда благопріятнымъ. Такъ, одинъ изъ педагогическихъ журналовъ 50-хъ годовъ — «Журналъ для Воспитанія» проповѣдывалъ такія новыя истины: способъ преподаванія долженъ быть приуроченъ къ индивидуальности учащагося; не сообщеніе той или другой суммы свѣдѣній есть главное дѣло въ преподаваніи, а вообще умственное и нравственное развитіе ученика, укрѣпленіе и усовершенствованіе его способностей; въ ученіи необходимо предоставить ученику какъ можно болѣе свободы и самостоятельности, чтобы онъ привыкалъ самъ наблюдать и мыслить, потому что всякая сила развивается только отъ упражненія, а отъ бездѣйствія глѣхнетъ; механическое заучиваніе уроковъ по книжкѣ никуда не годится, потому что убиваетъ мыслительныя силы учащагося, приучая его относиться къ предмету пассивно и лишая его случая попытать собственныя силы; одно теоретическое ученіе безъ практики никуда не годится, какъ и практика безъ теоріи, а потому всякое свѣдѣніе немедленно должно прилагаться къ практикѣ и т. п. «Вообразите себѣ удивленіе нашихъ педагоговъ, — говоритъ педагогическій обозрѣватель «Учителя» (1864 г., ноябрь), — когда они услышали всѣ эти диковинныя вещи! Они сначала ушамъ своимъ не вѣрили (мы были свидѣтелями многихъ случаевъ, подтверждающихъ эти слова); иные сомнительно покачивали головами и, думая, что все, что ни пишется въ «Журналъ для Воспитанія», принадлежитъ самому редактору, спрашивали другъ друга: «да ужъ онъ не того-ли»? и при этомъ многозначительно указывали себѣ на лобъ. Какъ-бы то ни было, однакожъ эти неслыханныя вещи, вычитанныя нашими педагогами изъ «Журнала для Воспитанія», возбудили въ ихъ головахъ непривычный для нихъ процессъ мысленія. Мало-по-малу они стали смекать, что и дѣйствительно оно какъ будто-бы лучше дѣлать такъ, какъ совѣтуетъ «Журналъ для Воспитанія»; новыя воз-

зрѣнія готовы были перейти въ дѣйствительность, приложиться къ дѣлу!..

Если такъ относились къ новымъ идеямъ педагоги, то чего-же было ожидать отъ общества, отъ отцовъ и матерей? Очевидно, ихъ воспріятіе научныхъ педагогическихъ идей было еще болѣе затруднительнымъ и тугимъ, всякаго рода предразсудки по отношенію къ воспитанію дѣтей у нихъ были еще болѣе многочисленны и крѣпки. Въ 1843—1845 годахъ докторъ медицины и хирургіи Грумъ издалъ въ трехъ томахъ «Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей». Въ немъ авторъ, между прочимъ, сообщалъ, что совсѣмъ доношенное дитя, или девятимѣсячное, имѣетъ въ длину, приблизительно, отъ 18 до 21 дюйма, вѣсу отъ 5 до 8 фунт. и т. д. Приведя эти данныя изъ книги Грума, педагогическій обозрѣватель «Учителя» (1862 г., октябрь) говоритъ: «вообразите себѣ молодую женщину, готовящуюся стать матерью и мечтающую о томъ, какимъ херувимчикомъ будетъ младенецъ, который у нея подъ сердцемъ. Мужъ даритъ ей книгу г. Грума, съ тѣмъ, чтобы подготовить ее къ ея будущимъ обязанностямъ. Она раскрываетъ отдѣлъ «Новорожденное дитя» и читаетъ выписанныя нами строки. Какъ вы думаете, читатель, будетъ-ли она читать дальше? По нашему мнѣнію, едва-ли. Помилосердуйте! Мѣрять и вѣсить ея херувимчика, какъ кусокъ говядины. Да это покажется ей на первыхъ порахъ чуть-чуть не святотатствомъ... Конечно, отъ руководства нельзя ожидать, чтобы въ немъ принимались въ расчетъ всѣ причуды материнской любви: но не менѣе того во всякой книгѣ необходимо принять во вниманіе склонности, настроеніе и степень развитія публики, для которой она назначается».

Такимъ образомъ, мысль о томъ, что нужно измѣрять длину новорожденныхъ дѣтей и взвѣшивать ихъ, казалась слишкомъ новой и удивительной не только матерямъ, которыя считали чуть не святотатствомъ производить такія измѣренія и взвѣшиванія ихъ «херувимчиковъ», но и самому обозрѣвателю, такъ какъ онъ считаетъ необходимымъ поощрить матерей отъ такихъ совѣтовъ. Если-бы онъ самъ былъ убѣжденъ въ цѣлесообразности такихъ мѣропріятій, то онъ, конечно, призналъ-бы, что рано или поздно нужно эти мѣропріятія проповѣдывать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и такимъ образомъ столкнуться съ предразсудками матерей. Если-же не оспаривать ложныхъ воззрѣній матерей и не указывать имъ болѣе правильнаго отношенія къ дѣтямъ, то какъ-же и когда исчезнуть материнскіе предразсудки? Вѣдь нельзя-же было ждать внезапнаго просвѣтленія и озаренія головъ матерей по этому предмету свыше!

Вообще педагогическое двоевѣріе было столь-же необходимо, какъ

въ свое время и религіозное двоевѣріе. Это былъ необходимый моментъ въ развитіи общественнаго педагогическаго сознанія. Притомъ основныя начала прежняго періода—православіе, государственность, народность—встрѣются намъ и позднѣе въ видѣ разсужденій о значеніи религіознаго чувства при воспитаніи, о соответствіи вліяніи государства и общества на образованіе и о національномъ воспитаніи. Новыя научныя педагогическія идеи лишь постепенно проникали въ общество и завладѣвали умами, вытѣсняя старыя представленія и тѣмъ осуждая ихъ на забвеніе, лишая ихъ силы въ практикѣ образованія. Посмотримъ теперь, какъ новыя идеи выразились въ большей чистотѣ и послѣдовательности, какіе новые идеалы образованія возникли и укрѣпились.

Глава III.

Новые идеалы.

Когда началось обновленіе русскаго общества и оно серьезно занялось вопросами воспитанія, тогда послѣдніе, насколько то было возможно, для лучшихъ и болѣе послѣдовательныхъ выразителей новыхъ идей, стали ставиться во всей ихъ широтѣ и научной основательности. Отнестись къ дѣлу поверхностно, кое-какъ, или сослаться на прежнія, старинныя начала, было неудобно. Нужно было все доказывать научно, а не ссылкой на давность и авторитеты; старыя авторитеты и преданія теряли вѣру при перестройкѣ общества. Такимъ образомъ, съ развитіемъ преобразовательныхъ стремленій, и педагогическіе вопросы начали ставиться по новому.

Откуда-же было взяться болѣе научности и основательности въ постановкѣ педагогическихъ вопросовъ? Источниковъ для этого было два: можно было пытливымъ и серьезнымъ умомъ пристально вглядываться въ современныя потребности, стараться различать въ нихъ существенныя запросы и мимолетныя настроенія, и двойнымъ путемъ самостоятельнаго наблюденія современнаго общественно-государственнаго движенія и размышленія о немъ и оцѣнки его попытаться, если не разрѣшить, то, по крайней мѣрѣ, указать пути къ удовлетворенію назрѣвшихъ образовательныхъ нуждъ; а то можно было обратиться за помощью къ болѣе опытнымъ въ педагогіи и болѣе просвѣщеннымъ народамъ и посмотреть, какъ у нихъ разрѣшались подобные вопросы. Изъ этихъ двухъ источниковъ, не безъ примѣси, конечно, нѣкоторыхъ прежнихъ понятій и воззрѣній, лучшіе представители новой русской педагогіи и почерпали средства для рѣшенія возникавшихъ педагогическихъ вопросовъ, причемъ у однихъ болѣе преобладали собственныя наблюденія и размышленія, а у

другихъ идеи западно-европейской педагогіи, какъ научной, твердо обоснованной и provatoнной опытомъ жизни.

Педагогическіе идеалы, созданные такимъ путемъ, отличались, какъ основанные на наукѣ и мышленіи, общечеловѣческимъ характеромъ. Все временное, мѣстное, случайное тонуло въ вѣчное, общемъ и постоянномъ. Мыслители, бравшіеся за разрѣшеніе педагогическихъ вопросовъ, не имѣли въ виду удовлетворить лишь потребностямъ минуты; они хотѣли, удовлетворяя временную нужду, указать вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчное и постоянное въ данной области, положить такой твердый, надежный фундаментъ, на которомъ могло-бы строиться все дальнѣйшее образованіе русскаго народа, чтобы путемъ этого образованія русскій народъ братски вошелъ въ семью образованныхъ западно-европейскихъ народовъ.

А. ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ.

Движеніе въ созданіи общечеловѣческихъ педагогическихъ идеаловъ было начато журналомъ «Морской Сборникъ» въ 1856 году. Редакція журнала объявила, что желаетъ помѣстить рядъ статей о воспитаніи молодыхъ людей, готовящихся къ морской службѣ. Какъ введеніе къ такимъ статьямъ, редакція напечатала разсужденіе Бема о воспитаніи вообще и вызывала желающихъ высказаться по этому предмету. Желающіе нашлись (Давыдовъ, Даль, Пироговъ), ихъ статьи были напечатаны и такимъ образомъ дѣло началось. Въ слѣдующемъ 1857 году открылись два новые педагогическіе журнала — «Журналъ для Воспитанія» Чумикова и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» Вышнеградскаго. И въ томъ, и въ другомъ журналѣ были помѣщены довольно обширныя статьи для выясненія сущности воспитанія, его задачъ и цѣлей, въ первомъ журналѣ П. Г. Рѣдкіна, а во второмъ — редактора. Въ журналахъ, возникавшихъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, также обсуждался тотъ-же вопросъ; имъ занимались въ общей журналистикѣ, по этому же предмету выходили особыя книги. Такимъ образомъ вопросъ широко разросся.

Статья Бема, положившая у насъ начало разсужденіямъ о сущности, задачахъ и средствахъ общечеловѣческаго воспитанія, большого значенія не имѣетъ. Авторъ ея на 70 страницахъ представляетъ очеркъ всей педагогіи: опредѣленіе цѣли воспитанія, средствъ его, указаніе, какіе предметы и какъ должны преподаваться, распредѣленіе ежедневныхъ занятій въ школѣ, ученіе о наградахъ и наказаніяхъ, о значеніи паставника и пр. Это скорѣе конспектъ статьи, чѣмъ самая статья. Она важна тѣмъ, что послу-